

Ира Орлова

**ВЕРНУТЬ ЖЕНУ.
БЕЗ ПРАВА НА ПРОЩЕНИЕ?**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-66

Орлова И.

О-66 Вернуть жену. Без права на прощение? / Ира Орлова – М.: Литнет, 2026. – 248 с.

ISBN 978-5-521-99447-2

– Твоему сыну — два, а мы женаты четыре года. Значит, пока я была в подушку, ты уже подсуетился и позаботился о наследнике, да? — Я понятия не имел, что Настя беременна, — бросает муж резко. — О, конечно, как удобно! Ты просто не знал, — я закатываю глаза. — Что ж. Поздравляю. Теперь у тебя есть сын. А жены больше нет. Узнав, что у мужа есть сын от бывшей, я не стала играть в счастливую семью. Подала на развод, собрала вещи и молча ушла. Ну, или почти молча разбила его любимую тачку. Терапия, знаете ли, бывает разной. Но спустя годы судьба снова столкнула нас лбами...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99447-2

© Литнет, 2026
© И. Орлова, 2026

Глава 1

Я кручу руль, поворачивая на светофоре, и зажимаю телефон плечом, пытаюсь одной рукой управлять машиной, а другой – рыться в сумочке.

– Тим, я не успеваю, спасай! – кричу в трубку, смеясь.

В трубке слышится его смешок, тёплый, с легкой иронией:

– Ну всё, значит, сам выберу цвет кухни.

– Я тебе доверяю... почти, – улыбаюсь, хоть он и не видит. – Но постараюсь успеть до того, как ты погрузишь нашу кухню в бездонную пучину хай-тека.

– Давай, родная, осторожнее, – говорит он ласково, и от его интонации сердце теплеет.

– Ладно, до встречи, – отключаюсь, бросая телефон на пассажирское сиденье.

Улыбка не сходит с лица. Даже пробки не бесят. Даже то, что в налоговой пришлось отстоять километровую очередь, воспринимается как мелочь.

Наконец, вырываюсь оттуда и еду в сторону дома, где вовсю идет наш ремонт – шумный, пыльный, но такой долгожданный.

Телефон пиликает.

Сообщение от мебельной компании:

«К сожалению, наш замерщик задерживается на другом заказе. Сегодня он не успеет. Есть ли возможность перенести визит на завтра или другой удобный день?»

Я не унываю. Наоборот, вижу в этом возможность.

Набираю Тимура. Все-таки я сорвала его с работы, чтобы он ждал замерщика. Нужно предупредить, что его не будет. Может, он больше никуда не поедет, и мы сможем провести вечер вместе? Сходим в кино, или просто погуляем в парке.

Гудок идет за гудком. Но Тимур не отвечает.

Паркуюсь, но взгляд сразу цепляется за машину мужа. Новенькая «БМВ» Тимура брошена кое-как, прямо под окнами, почти на газоне. Качаю головой.

Поднимаюсь на этаж, достаю ключ, но дверь... дверь не закрыта. Странно.

Открываю её, и первое, что бросается в глаза, – это женские туфли, аккуратно поставленные у порога. Не мои. Внутри что-то ёкает. Из гостиной доносятся голоса. Сама не понимая почему, крадусь вперед, как тень, прислушиваясь. Сердце сжимается в болезненный комок.

Глава 2

– Тима, – жалобно говорит женский голос, такой тоненький, почти плачущий. – Прости меня, прости...

В горле пересыхает. Я узнаю этот голос. Не может быть.

– Насть, ты хоть понимаешь, что ты сделала? – его голос резкий. Слишком резкий. Такой, каким он никогда не говорил со мной. – Ты зачем сюда пришла? Могла прийти ко мне на работу, там бы и поговорили! Не хватало, чтобы Алиса узнала.

– Так она все равно же узнает, – растерянно, почти сломленно говорит Настя. Бывшая моего мужа.

Это последняя капля. Я не выдерживаю. Больше не могу прятаться в коридоре, слушая этот фарс. Мне пора узнать, что здесь происходит.

– Да, посвятите уже и меня, – говорю громко, привлекая к себе внимание. Голос звучит чужим, резким. – С чего бы это моему мужу иметь какие-то дела со своей бывшей?

Настя вздрагивает. Она стоит вся какая-то... мятая. Бледная, зарёванная, худющая, с ссутулившимися плечами и перепуганным взглядом, будто я сейчас брошусь на неё.

Если честно, сейчас я могла бы.

Тимур стискивает челюсти. Сквозь зубы тихо и насыщенно матерится.

– Лисёнок, я тебе всё объясню, – он изо всех сил пытается быть спокойным. – Провожу Настю, и мы всё обсудим.

С этими словами он хватает её под локоть и ведёт в коридор. Настя заторможенно переставляет ногами, её взгляд мечется между нами.

– Тимочка... – лепечет Настя, и от этого тошнотворного «Тимочка» меня аж корбит. – Ты только не бросай нас... Нам без тебя никак...

Нас?

– Что здесь происходит? – уже не выдерживаю.

– Ничего! – огрызается Тимур. – Ей к врачу надо.

– Не надо! – вскрикивает Настя, вырываясь из его хватки. – Нашему сыну отец нужен!

– Какому сыну? – хмыкаю я, ирония сочится из каждого слова. В голове звенит.

Настя вытирает слёзы рукавом и, глядя мне прямо в глаза, выдает с самым мерзким выражением искренней бедняжки:

– Нашему с Тимочкой...

Это «Тимочка»... Противное, сладкое, липкое, как патока.

– Насколько я помню, в момент вашего расставания детей у вас не было, – произношу я холодно. Настя кивает.

– Не было. А сейчас есть. Сын. Ему два года.

Я смотрю на Тимура. Смеюсь. Громко. Видимо, его бывшая реально головой поехала. Такой бред! Но он не смеётся.

Стоит темнее тучи, хмурый, взгляд отводит. Его молчание – самый страшный приговор.

– Зашибись, – выдыхаю я, медленно присаживаясь на маленький диванчик в коридоре. Ноги вдруг отказываются держать. Мир вокруг качается. – Ну, продолжайте. Удивляйте.

Глава 3

Простая арифметика. Его сыну – два. В браке мы – четыре. Где-то в этой цепочке событий явная не состыковка, и она грозит разорвать мою жизнь в клочья.

У Тимура, похоже, сдает терпение. Он резко хватает Настю под локоть и буквально выталкивает ее в коридор, подальше от моего взгляда.

– Сейчас я приду, и мы все обсудим, – бросает он мне сквозь зубы, а затем захлопывает входную дверь с таким грохотом, что стены дрожат.

Я смотрю на дверь отсутствующим взглядом. Слова Насти крутятся в голове, лишая меня способности мыслить связно.

Через секунду я встаю и подхожу к окну. Вижу, как из подъезда выходят «голубки».

Тимур что-то зло выговаривает ей, так что вены на его шее пульсируют. Он явно в ярости.

Настя кивает понуро, всхлипывает, а потом, разрыдавшись, что-то говорит ему. Тимур замирает. В этот момент она обнимает его, просто виснет на шее моего мужа.

И он... он гладит ее по спине и что-то, видимо, успокаивающее говорит. Наверное, «всё будет хорошо», или «успокойся». Или «не сейчас, Алиса в квартире».

Мой муж утешает свою бывшую, которая только что заявила, что у них общий двухлетний сын. Это. Последняя. Капля.

Я оборачиваюсь, резко, как на охоте. Снаряд. Мне нужен снаряд.

Нет, кидать собираюсь не в них. Сидеть я не хочу, но настроеные испортить им просто необходимо.

Глаза цепляются за банку краски. Цвет – ванильный крем. «Символ домашнего уюта». Вот эти ванильные сопли им сейчас будут в самый раз.

Я подхожу к окну. Распахиваю его. Поднимаю банку. Вдох. Выдох. И со всей силы швыряю ее на машину мужа.

Банка летит по идеальной дуге. Плавно. Торжественно. Как приговор.

Приземляется точно на крышу новенького автомобиля. Ба-бах.

Она делает огромную вмятину в крыше новенького авто, трескается и растекается лужей по стеклу, капоту, дверям. Брызги летят во все стороны, даже на «голубков».

– ААААА! – визжит она, отскакивая как ошпаренная.

– Блядь! – орёт Тимур, запрокидывая голову.

Я отхожу от окна. Захлопываю его, отрезая себя от их разборок снаружи.

Иду на кухню. Каждый шаг тяжелый, будто я бреду через вязкую трясицу. В голове звенящая пустота, оглушающая своей немотой после только что пережитого.

Ставлю чайник. Привычные движения помогают не сойти с ума, не потерять связь с реальностью. Руки дрожат, когда открываю пакетик с ромашкой. Мне нужно много ромашки...

Потому что разговор будет долгим.

И очень, очень болезненным. Я знаю это. Чувствую это каждой клеточкой своего тела, которое сейчас кажется чужим и одеревеневшим.

И я приказываю себе: не смей плакать, не смей рвать себе душу. Это всего лишь мужик. Так бывает.

Только вот... почему же так плохо? Почему внутри меня все кричит от боли, словно вырвали что-то живое, самое важное? Почему, когда Тимур наконец зайдет в эту дверь, мне будет казаться, что я смотрю не на того, кого любила, а на чужого, незнакомого человека? И как мне теперь жить без него?...

Глава 4

Чайник щёлкает.

Я медленно выдыхаю, наливаю кипяток в кружку, бросаю туда ромашку. Смотрю, как тонкая струйка пара поднимается вверх, в пустоту.

И тут же, без какого-либо разрешения, память затягивает меня назад. Неумолимо. Беспощадно. Почти на три года назад.

В самую боль. От которой, как я думала, мы уже оправились. Как я надеялась. Верила, что мы пережили это вместе, стали только сильнее...

Я почти не могла дышать от боли. Она приходила волнами, накатывала, забирала весь кислород из легких, оставляя лишь судорожные, прерывистые вдохи.

Внизу живота будто ножом резали, каждым движением выкручивая внутренности. Мир расплывался, превращаясь в цветные пятна за стеклом машины.

Прижимала руки к животу, изо всех сил пытаясь не закричать на весь салон. Зубы были стиснуты так сильно, что челюсти сводило.

– Держись, Лисёнок, держись, я рядом, – прохрипел с тревогой в голосе Тимур.

Он гнал машину, игнорируя светофоры, правила, весь мир вокруг, лишь бы довезти меня, спасти... Машина резко затормозила у приёмного покоя, ещё до полной остановки муж выскочил наружу.

Обежал капот с какой-то невероятной, нечеловеческой скоростью, рывком распахнул мою дверь и взял меня на руки.

Тим держал меня так, словно я была хрупкой, стеклянной. Самым драгоценным на земле, и одно неверное движение могло разбить меня.

– Помогите! Она беременна! Ей плохо! – кричал он, врываясь в стерильный, холодный холл больницы. – Где врач?! Нужна помощь!

Я всхлипнула. От боли, которая снова накатила, скручивая меня в узел. От страха, липкого и всеобъемлющего, что заполнил каждую клеточку.

– Тим... больно... – прошептала я, уткнувшись ему в плечо. Он посмотрел на меня такими глазами...

Это был взгляд настоящего льва, которого загнали в угол, который был готов перегрызть глотки любому, кто осмелился бы встать на его пути.

Я была уверена, если бы к нам сразу не подбежали, он сам пошел бы крушить эту больницу в поисках хоть кого-то, кто смог бы помочь мне.

– Да где этот чертов врач?! – рявкнул Тимур.

И его слышали.

К нам подлетели две медсестры с каталкой, а следом, поправляя очки, подошёл пожилой врач в белом халате, с усталым лицом, на котором, казалось, отпечатались все беды мира.

– Положите её уже, – устало сказал он. – Нам нужно срочно в смотровую. Но Тимур не спешил. Наоборот прижал меня к себе еще крепче.

– Вы только осторожно... ей очень больно... – голос его превратился в хриплый шепот.

– Так вы уже положите пациентку на каталку? – настаивал доктор, его тон становился все более настойчивым. – Вы мешаете осмотру.

Хмурый и недовольный Тимур осторожно опустил меня на каталку.

– Можно я останусь? – спросил он, резко повернувшись к врачу. – Мне надо остаться. Я буду тихо. Просто рядом.

– Нет, – коротко отрезал врач, не поднимая на него взгляда. – И без вас справимся.

Каталка уезжала, увозя меня прочь, а он стоял, такой мощный и большой и такой потерянный. А потом была тишина.

Тишина палаты. Стерильная, давящая. Белый потолок, бесконечный и безразличный. Звон капельницы, ритмичный и монотон-